

**ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ**
**PHILOSOPHY AND HISTORY OF SCIENCE,
CULTURE AND EDUCATION**

УДК 378:622.007.2.004.14(47+57)

В.Г. АФАНАСЬЕВ, *д-р ист. наук, профессор, elada@spmi.ru*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

V.G. AFANASYEV, *Dr. in hist., professor, elada@spmi.ru*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

**ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ
В 20-30-е ГОДЫ XX В.**

Статья посвящена вопросам подготовки горных инженеров в самый сложный начальный период существования Советского государства. Проблема решалась как путем организации новых учебных заведений, так и реорганизацией действующих вузов, в первую очередь Горного института. При этом имело место как оправданное, так и неоправданное реформирование высших учебных заведений. К числу негативных факторов относятся неоправданные репрессии по отношению к опытным специалистам горного дела. В конечном итоге кадровая проблема специалистов была успешно решена и это позволило резко повысить добычу угля и нефти.

Ключевые слова: инженерно-технические кадры, подготовка, использование, высшие учебные заведения, горное дело, реформирование вузов.

**SOME FACTS OF HISTORY OF TRAINING
AND EMPLOYMENT OF MINING ENGINEERS DURING
20-30th YEARS OF 20th CENTURY**

The article is dedicated to the problem of training mining engineers during the most difficult Soviet period. The problem was solved with foundation of new educational institution as well as reorganization of functional ones primarily Mining Institute. Reformation of universities was justified sometimes not. Disadvantage of reformation was repression to highly qualified specialists of mining. Personnel problem was solved that allowed to increase coal and oil extraction.

Key-words: engineering personnel, training, usage, universities, institutions, mining, reformation of universities.

Одним из главных направлений в области инноваций является проведение разумной кадровой политики, сочетающей как подготовку высококвалифицированных кадров, так и рациональное применение их на производстве. Поскольку эти задачи в гор-

ных отраслях, как и во всей экономике России в целом, приходилось решать в 20-30-х гг. XX в. в сжатые исторические рамки, то, накопленный в те годы в области кадровой политики значительный исторический опыт имеет большое практическое значение и в настоящее время.

Прежде всего, следует обратить внимание на крайне низкий уровень обеспеченности горными инженерами отраслей горного дела. Ничего удивительного в этом нет, поскольку, несмотря на огромный рост добычи угля и некоторых руд, достигнутый в конце XIX – начале XX вв., обеспеченность отраслей горной промышленности инженерными кадрами была на низком уровне. Их подготовка долгие годы велась преимущественно в столичном Горном институте, который с основания в 1773 г. до 1912 г. выпустил около 2300 горных инженеров. Это положение еще больше осложнилось в годы Первой мировой и Гражданской войн. В 1919 г. диплом горных инженеров получили только 90 человек, а осенью 1919 г. к занятиям приступили лишь 75 студентов.

Для того, чтобы исправить положение власти страны пошли на беспрецедентный шаг – с осени 1917 г. для поступающих в высшую школу были отменены конкурсные вступительные экзамены, а необходимым условием для зачисления было лишь удостоверение об окончании средней школы. В 1918-1920 гг. по решению Наркомпроса в вузы без каких-либо ограничений принимались дети рабочих и крестьян с 16 лет, а для поступления были восстановлены приемные экзамены по элементарной математике и физике. Поскольку эти меры себя не оправдали, то было решено вернуться к старой практике поступления в вузы через вступительные экзамены, а также организовать при вузах рабочие факультеты, напоминающие по характеру деятельности подготовительные курсы. Только в Горном институте за время существования рабфака в 1921-1928 гг. было подготовлено к учебе в институте не менее 800 человек. Большинство из них внесли весомый вклад в развитие горного дела в роли организаторов производства. Такой подход заметно изменил социальный

состав студентов. Если в 1914 г. дети рабочих и крестьян были в меньшинстве, то в 1921/22 учебном году на их долю приходилось 45 % студентов, а в 1924/25 учебном году – 58 %.

Еще одним важным направлением подготовки высококвалифицированных специалистов стало создание новых учебных заведений. Так, 4 сентября 1918 г. Совнарком принял решение об организации Московской горной академии (МГА). Она была открыта 12 января 1919 г. и в ней начали заниматься 256 человек. Несмотря на сложности, которые были вызваны Гражданской войной, руководство академии во главе с выпускником Горного института выдающимся русским геологом И.М. Губкиным, делало все возможное для организации учебного процесса. Летом 1919 г. для студентов была организована производственная практика в Подмосковном угольном бассейне. Кроме того, они занимались геологическими изысканиями в Саратовской губернии и вели поиски фосфоритов. В связи с обострением обстановки на фронтах в 1919/20 учебном году студентов призвали на военную службу и к осени 1919 г. в академии осталось лишь 209 студентов. С весны 1920 г. положение в стране изменилось в лучшую сторону. Горный совет Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) назначил студентам стипендии, и многие из них стали возвращаться на учебу. Осенью 1920 г. при перерегистрации студентов первых двух курсов трех факультетов выяснилось, что в академии занимается 571 студент. Рост числа студентов прежде всего был связан с тем, что ближе к окончанию Гражданской войны в связи с необходимостью первоочередного восстановления топливной промышленности, подготовка специалистов этой отрасли приобрела приоритетное значение. 30 января 1920 г. Совет обороны принял постановление об откомандировании из рядов армии, тыловых и гражданских учреждений студентов горно-технических учебных заведений вне зависимости от возраста и возвращения их в прежние учебные заведения.

Эти меры привели к существенным изменениям образовательного уровня студентов. Так, 2 % студентов академии имели высшее образование, 93 % – среднее и 5 % были выпускниками рабфака. Что касается возраста, 16,5 % студентов были моложе 20 лет, 63 % имели возраст от 20 до 25 лет и 20,5 % были старше 25 лет.* Такая же тенденция сохранилась и в последующие годы. Хотя в 1926/27 учебном году число студентов моложе 21 года выросло с 195 до 339 человек, три четверти обучавшихся были старше этого возраста, к тому же многие из них имели семьи. С учетом этого вопрос о материальном положении студентов приобрел особое значение.

Как известно, еще в первые годы Советской власти студентам вузов были установлены стипендии, число и размер которых зависели от экономического положения страны. Следует отметить, что кроме государственных стипендий существовали стипендиальные фонды различных организаций. Так, в 1924/25 учебном году к Нефтесиндикату были прикреплены 42 стипендиата восьми вузов, получавших стипендии на общую сумму 1170 руб. Среди них были 13 студентов МГА и 19 студентов Горного института. Определенный интерес представляет то, что из них 16 студентов обучались на первом курсе, 17 – на втором, 7 – на третьем и лишь двое были студентами последнего курса.** Однако значительная часть студентов не получала стипендий, что создавало серьезные трудности в учебе. Так, среди студентов МГА не имели стипендий 571 человек, а в Горном институте – 189. Для поддержания их материального положения ЦК Всесоюзного совета горняков решил выделить им на первые пять месяцев 1925 г. 2000 руб., что скорее носило символический характер.

* Государственный архив Российской Федерации Ф.1565. Оп.4. Д.55. Л.56.

State depository of Russian federation. F.1565. Op.4. D.55. L.56.

** Российский государственный архив экономики. Ф.2309. Оп.4. Д.27. Л.427.

Russian state depository of economics. F.2309. Op.4. D.27. L.427.

По мере развития народного хозяйства система подготовки высококвалифицированных специалистов потребовала новых крупных преобразований. Основные направления и методы подготовки инженерно-технических кадров в новых условиях были определены в ряде специальных постановлений пленумов ЦК ВКП(б). Причины такого внимания носили как объективный, так и субъективный характер. К первым надо отнести широкий размах хозяйственного строительства, требовавшего значительного притока дипломированных специалистов, слабость материально-технической базы вузов, их сосредоточенность в центральных районах страны, а также недостаточное финансирование высшей школы по сравнению со странами Запада. Так, если в 1927/28 учебном году в СССР стоимость обучения одного студента Главвуза ВСНХ равнялась 431 руб., а Наркомпроса – 421 руб., то в Германии стоимость обучения студента технического вуза составляла 900 руб., а гуманитарного – 725 руб. Германия тратила на новое строительство в расчете на одного студента 200 руб. в год, а СССР – не более 90. По степени насыщения инженерно-техническими работниками СССР заметно отставал от других стран. Если в США на 10 тысяч занятых в промышленности было 125 инженеров и 250 техников, в Германии, соответственно, 106 и 114, то в СССР – 80 и 81.* Кроме того, перегруженность учебных программ приводила к тому, что многие студенты не успевали своевременно сдавать экзамены и занимались в вузах по 6-8 лет, а низкая материальная обеспеченность приводила к слабой посещаемости занятий.

Что касается причин субъективного характера, то они состояли во все усиливавшейся подозрительности по отношению к специалистам старой школы. Особенно наглядно это проявилось в отношении горных инженеров в «шахтинском деле» – судебном процессе, состоявшемся в мае-июле 1928 г. Группа инженеров и техников необоснован-

* Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963. С.142.

Украинцев В.В. Communist party of USSR – organizer of university reformation. Moscow, 1963.

но обвинялась в создании контрреволюционной вредительской организации, которая якобы действовала в Шахтинском и других районах Донбасса. По итогам процесса пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, 44 человека получили различные сроки заключения и лишь четверо подсудимых были оправданы. Среди осужденных были и выпускники Горного института.

Среди мероприятий по реформированию высшей школы наряду с оправданными действенными мерами, имели место и элементы администрирования, и непродуманные действия. К числу их следует отнести реорганизацию не только многопрофильных вузов, которая привела к ликвидации политехнических институтов, но и надуманное реформирование отдельных высших учебных заведений. Так, 31 мая 1930 г. Ленинградский горный институт был реорганизован в Ленинградское высшее геолого-разведочное училище, но уже в начале августа того же года оно было переименовано в Ленинградский геолого-разведочный институт. В том же месяце он был вновь разделен на геолого-разведочный учебный комбинат и институт неметаллических ископаемых, который с 1 января 1931 г. стал именоваться горно-неметаллическим учебным комбинатом. Потребовались многочисленные письма видных ученых и специалистов о нелепости такой реорганизации и вмешательство партийных органов во главе с С.М. Кировым, чтобы 27 декабря 1931 г. ВСНХ принял решение об объединении учебных комбинатов с восстановлением прежнего названия – Ленинградский горный институт.

Реорганизации в 1930 г. подверглась и Московская горная академия, на базе которой были образованы шесть самостоятельных институтов: горный, нефтяной, угольный, торфяной, черных и цветных металлов. Вначале это были небольшие по численности вузы, но вскоре они превратились в полномасштабные учебные заведения. Так, в Московском горном институте первоначально обучались 436 студентов, а уже 1 сентября 1931 г. в нем занимались 2093 студента. В целом по стране к 1932 г. в результате проведенной работы вместо 30

многопрофильных вузов, которые готовили специалистов для промышленности, были созданы 168 отраслевых вузов, в том числе 60 за счет разукрупнения других высших учебных заведений.

В эти годы продолжалось и создание новых учебных заведений, что непосредственно коснулось и отраслей горно-топливной промышленности. Если в 1928 г. подготовку специалистов для нее вели два вуза и несколько техникумов, то к январю 1933 г. инженеров готовили в 13 вузах (в том числе в восьми для угольной промышленности, трех – для нефтяной, один готовил специалистов-торфяников и еще один имел геолого-разведочный профиль), в которых занимались 18303 студента. Кроме того, технических специалистов для горного дела готовили в 39 техникумах с числом учащихся 11847 человек. Отметим, что когда в 1939 г. образовался самостоятельный Наркомат топливной промышленности, то ему были переданы 12 вузов, в которых обучались 16928 студентов, в том числе на территории РСФСР семь вузов, где обучалось 8241 студент.

Не менее важную роль играло рациональное использование специалистов на производстве. Однако отношение к ним было неоднозначным. Если к выпускникам новых советских вузов оно было внимательным, то этого нельзя сказать об опытных специалистах старой школы. В статье «О труде и положении специалистов», опубликованной в «Правде» 3 сентября 1924 г. один из видных хозяйственных руководителей Г. Ломов писал: «Боязнь красной нитью пропитывает все их шаги. Каждый из них стремится заpastись оправдывающими их документами для того, чтобы “в случае чего” козырнуть ими на суде, или в РКИ, или в ЦКК... Это приводит к перерождению их психологии в формально-бюрократическую. Специалист стремится не столько к достижению определенного производственного и научного эффекта, сколько к тому, чтобы его шаги не были истолкованы в неблагоприятном для него свете. Обидно и горько становится, когда крупные люди с крупными планами собирают документы “на случай”».

Негативное воздействие на специалистов горного дела оказали как «шахтинское дело», так и массовые репрессии второй половины 30-х гг. Так, в ноябре 1936 г. большой резонанс в стране получил «кемеровский процесс», по которому в Кузбассе были приговорены к расстрелу девять инженерно-технических работников. Главным обвинением против них была организация взрыва на шахте «Центральная», который привел к гибели 10 и тяжелым ранениям 14 горняков. Позднее было установлено, что экспертиза по этому делу проводилась с грубейшими нарушениями. Нет ничего удивительного в том, что в феврале 1958 г. «кемеровское дело» было оценено как фальсифицированное и прекращено за отсутствием состава преступления всех осужденных.* Эти и другие случаи приводили к частым перестановкам инженерных кадров

* Реабилитация. Политические процессы 30-50-х гг. М., 1991. С.227-228.

Rehabilitation. Political processes of 30-50th years. Moscow, 1991. P.227-228.

и создавали нервную обстановку на производстве, что не могло не сказываться на технико-экономических показателях. О какой стабильности можно писать, когда, например, на шахте № 13 треста «Товарковоуголь» в Подмосковном угольном бассейне при наличии четырех участков за 4 месяца 1939 г. сменились 16 начальников участков и 32 десятника. В крупнейшем тресте «Донбассуголь» в 1937 г. сменились четыре управляющих трестом.

Кроме того, в рассматриваемый период в угольной промышленности имело место значительное сокращение управленческого аппарата и перевод инженерных работников непосредственно на производство, что в целом положительно сказалось на работе отрасли.

Таким образом, исторический опыт подготовки и использования специалистов горного дела показывает, что любые реорганизации должны носить научно обоснованный характер без администрирования и формализма, а также ни в коем случае не ущемлять интересы людей.